

КУЛЬТУРНАЯ СИМВОЛИКА ОБРАЗА ДРАКОНА В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ПОЭЗИИ¹

CULTURAL SYMBOLISM OF THE DRAGON IMAGE IN RUSSIAN AND CHINESE POETRY

**E. Boldyreva
E. Asafyeva**

Summary: The article analyzes the symbolic potential of the dragon image in the works of Chinese and Russian poets of different eras in the context of the mythopoeitics of the East and West, reveals several common ideas and motifs peculiar to both the artistic world of the writers under consideration, and universal cultural connotations of the dragon image. On the example of poetic texts by N. Gumilev, A. Akhmatova, V. Bryusov, V. Solovyov, D. Andreev, Li Bo, Bo Juyi, Liu Wan, Wang Wei, Miao Xi, Wanyan Liang consider various facets of the cultural symbolism of the dragon, demonstrating the national-specific features of the «dragon text» in Russian and Chinese poetry, analyze various variations in the actualization of archetypal meanings of the dragon image depending on ethnocultural and civilizational factors, as well as cognitive in the memory of the authors, the similarities and differences of the dragon symbolism in Russian and Chinese poetic discourses are revealed., various variants of the individual author's symbolism of the dragon in the poems of Russian and Chinese poets are considered.

Keywords: mythopoeitics, cultural symbolism, dragon image, Russian culture, Chinese culture, dialogue of cultures, mythologeme, cultural tradition.

Болдырева Елена Михайловна

Доктор филологических наук, профессор, Институт
иностраннных языков, Юго-Западный университет КНР,
(г. Чунцин)
e71mih@mail.ru

Асафьева Елена Валерьевна

Преподаватель, ГПОУ ЯО «Ярославский колледж
управления и профессиональных технологий»
tvist_o@list.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу символического потенциала образа дракона в произведениях китайских и русских поэтов разных эпох в контексте мифопоэтики Востока и Запада, выявляется ряд общих идей и мотивов, свойственных как художественному миру рассматриваемых писателей, так и универсальным общекультурным коннотациям образа дракона. На примере поэтических текстов Н. Гумилева, А. Ахматовой, В. Брюсова, В. Соловьева, Д. Андреева, Ли Бо, Бо Цзюйи, Лю Ваня, Ван Вэя, Мяо Си, Ваньянь Ляна рассматриваются различные грани культурной символики дракона, демонстрирующие национально-специфические особенности «драконьего текста» в русской и китайской поэзии, анализируются различные вариации актуализации архетипических значений образа дракона в зависимости от этнокультурных и цивилизационных факторов, а также когнитивной памяти авторов, выявляются сходства и различия символики дракона в русском и китайском поэтических дискурсах, рассматриваются различные варианты индивидуально-авторской символики дракона в стихотворениях русских и китайских поэтов.

Ключевые слова: мифопоэтика, культурная символика, образ дракона, русская культура, китайская культура, диалог культур, мифологема, культурная традиция.

Введение

«Иногда с крыльями, иногда без, иногда толстые, как слоны, иногда худые, как змеи. Если ты думаешь так же, — забудь. Ты ничего не знаешь о драконах!» [Каэтримус. 2004, С.10]. Представление людей о драконах часто сводятся к тому, что это большие кровожадные зооморфные создания, цель которых – разрушать пространство и пожирать людей. В западной и европейской культуре образ Дракона, как и многие другие мифологемы, восходит к культуре Древней Греции. «Древнегреческая мифология содержит информацию о драконах, свирепых и страшных, исполнявших сторожевые функции охраны драгоценностей в сокровищницах олимпийских богов: драконоподобные чудовища: Дельфиний, Ладон, стоглавый Тифон, Пифон и

другие» [Сталинская, 2022, С. 40]. С приходом христианства в Европу отрицательная семантика Дракона только усилилась, и теперь этот образ воспринимался как слуга Антихриста, враг христианской морали. Исходя из этого, в героическом эпосе Средневековья были широко распространены сюжеты, где Драконы похищали юных девушек, грабили и сжигали села, уничтожали урожай и крали золото и драгоценности у местного населения. В свою очередь храбрые рыцари, охотники на драконов, убивали их, тем самым очищая христианский мир от зла и коварства.

Подобные процессы происходили и в русской культуре. В мифах древних славян фигурируют персонажи, напоминающие дракона по внешнему описанию, такие как Чудо-Юдо, Змей Горыныч и Бог Ящер. С принятием

¹ Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР.

на Руси христианства образ Дракона приобрел статус «антихриста». Мифологический персонаж стал ассоциироваться со змеем, искусившим Адама и Еву, и символизировать похоть, грехопадение, алчность, коварство, смерть. Кроме того, змей прочно ассоциировался в сознании славянских народов с инаковерцами, то есть народами тюркского происхождения. Связано это с тем, что представители Золотой Орды в сознании славян воплощали все смертные грехи – алчность (высокая дань), похоть (забирали русских женщин в Орду), гордыню и др. В русском героическом эпосе были распространены сюжеты, где храбрые воины убивают змеев из лука или пронзают копьем, прославляя тем самым христианскую веру. Подобное представление о драконах сохранялось на протяжении многих столетий, несмотря на культурный диалог со странами, где Дракон почитался как хранитель и защитник. В статье «Драконы в официальной эмблематике Царской России» В.А. Пушкарев, рассуждая о функционировании образа дракона в русской истории и культуре, ссылается на период строительства Китайско-восточной железной дороги. Охранная стража КВЖД была облачена в форму с изображением Дракона, что, по свидетельствам генерала К.Н. Хагондокова, принимавшего непосредственное участие в строительстве, вызвало резкую реакцию среди его соотечественников: «Едва прибыв к месту службы, казаки поснимали со своих папах кокарды, усмотрев в них «ничто иное как печать антихриста» [Пушкарев, 2021, С. 28]. Таким образом, совершенно очевидно, что и в западной, и в русской культуре образ дракона имел преимущественно отрицательные коннотации и соотносился со смертью, злом или пороками, порицавшимися христианской доктриной.

В совершенно иной модальности предстает Дракон в культуре и мифопоэтике Востока. В Древнем Китае культ Дракона был широко распространен. Эти «змиеподобные» существа, в отличие от Западной традиции, олицетворяли божественную энергию и гармонию стихий. Китайский Дракон является полиморфным: «Форма дракона описывается через девять сходств: голова как у верблюда, рога как у оленя, глаза как у кролика, уши как у коровы, шея как у змеи, живот как у удава, чешуя как у карпа, когти как у орла, лапы как у тигра; на его спине 81 чешуйка» [Чэнь Шулин, 2024, С. 207]. В последнем примере особую роль играет семантика числа «девять» [Болдырева, Асафьева, 2024]. Дело в том, что существует много теорий относительно полиморфной природы дракона. Одна из них связана с именем Желтого Императора (Хуан-ди, кит. 黃帝), который вел войны с соседствующими племенами и присваивал их тотемы, создавая постепенно уникальный образ дракона. Однако более значимой для китайской культуры, на наш взгляд, является идея единства всего сущего и гармония бытия, орнаментированная теорией даосизма. На это указывают по меньшей мере три фактора. Во-первых, в образе дракона представлены все стихии (тигр – огонь, орел – воздух, змея – земля, карп – вода и др.). Во-вторых,

культ «девятки», выражающей гармонию и бесконечность (число Будды). В-третьих, Бирюзовый Дракон (Цин Лун) является одним из священных небесных животных Китая, наряду с Белым Тигром (Бай Ху), Огненным Фениксом (Фэн Хуан) и Чёрной Черепахой (Сюань У), которые олицетворяют не только стихии, но стороны света и времена года. Сам же дракон в китайской культуре воплощает энергию Ян – созидательную, солнечную, мудрую. Позже, во времена династии Тан дракон стал символом императорской власти, изображался на гербах, печатях

«Культура дракона – один из самых продолжительных культурных феноменов в традиционной культуре китайской нации» [何星亮, С. 112], не случаен интерес российских и китайских ученых к этой проблеме [Филипповский, Бирюков, 2020, Казакова, 2018, Поляков, Кочерыгина, 2009, 付晴晴, 2022, 李昊, 2021 и др.]. В настоящей статье мы рассмотрим образ дракона в поэзии Китая и России. Проанализировав стихотворения Н. Гумилева, А. Ахматовой, В. Брюсова, Ли Бо, Лю Ваня, Ван Вэя и др., мы выделили следующие семантические концепты «драконьего» текста: дракон как символ зла; дракон как символ мудрости и источник божественной энергии; дракон как символ красоты и величия; дракон как воплощение искусства.

«Уж очень он зол и силен, этот проклятый дракон!»: дракон как символ зла и разрушения

«Есть Драконы, что выбирают особый вид любви — ТАНАТОС. И этот TANATOS — есть любовь и страсть к разрушению» [Словик, 2010, С.18]. Большинство стихотворений русских поэтов отражают темную сторону образа дракона, что объясняется приверженностью к западно-европейской традиции и христианской культуре. В этих текстах дракон ассоциируется либо с древним мифическим злом, имеющим абстрактную метафизическую природу, либо с врагом христианской культуры.

Мотивы антихриста особенно ярко звучат в поэзии Владимира Соловьева. В стихотворении «Дракон» поэт обращается к христианскому сюжету битвы Христа с Дьяволом. Дракон в стихотворении – апокалиптический символ: «Из-за кругов небес незримых Дракон явил свое чело, – И мглой бед неотразимых Грядущий день заволокло [Соловьев, 2024, С.37]. Дракон является силой столь могущественной, что смертные не в состоянии что-либо предпринять для спасения. Исходя из этого, дракон по энергии и силе равен самому богу, и живет он также в пространстве космическом. Это, в свою очередь, сближает его с Сатаной, низвергнутым с небес за богоотступничество. О том свидетельствует и упоминание драконов в «Библии», в том числе и в контексте небесной битвы. Так в «Откровении Ивана Богослова» (Апокалипсис 12) отражен сюжет, где Дракон охотится за женой Иоана, дабы пожрать ее дитя и тем самым приблизить исход конца Земли. Жена, явленная в знамении в образе

солнца, прячется в пустыни. И затем завязывается небесная битва, в ходе которой архангел Михаил и его армия низвергают с небес Красного Дракона, который, в свою очередь, вступает в схватку с христианами. Поскольку деятельность Вл. Соловьева была тесно связана с религиозной философией, справедливым будет предположить, что интересующее нас стихотворение связано с приведенным нами библейским сюжетом, и отражает начало битвы уже земной. В Писании земное войско новых христиан не смогло справиться с Драконом, поскольку Зверь, число которого 666, его исцелил. Однако позже, в 19 и 20 главах «Книги Апокалипсиса» Дракона при помощи Ангелов пронзает Сидящий на коне, в образе которого явился Христос, дабы одолеть Дракона-Антихриста. В стихотворении Вл. Соловьева он описан следующим образом: «Ты верен знамени креста, Христов огонь в твоём булате. И речь грозящая свята [Соловьев, 2024, С.37]. Речь – еще одна аллюзия к «Откровению», поскольку в 19 главе «Он» (Сидящий на коне) был обогретен кровью врагов своих: «Он был облечен в одежду, обогретенную кровью. Имя Ему: «Слово Божие» (Апокалипсис 19:13) и «Из уст же Его исходит острый меч, чтобы им поражать народы. Он пасет их жезлом железным; Он топчет точило вина ярости и гнева Бога Вседержителя» (Апокалипсис 19:15). В стихотворении Вл. Соловьева речь является тем же оружием, поскольку грозит Дракону гибелью от силы святой. Наконец, герой держит в руках меч: «Полно любовью Божье лоно. Оно зовет нас всех равно... Но перед пастью дракона Ты понял: крест и меч — одно» [Соловьев, 2024, С.37].

Таким образом, реализуется идея справедливого возмездия. Добродетель и христианская мораль есть проявление божественной любви, которой достойны и грешники, и праведники, в то время как Дракон – богоотступник, искушающий своими речами смертных, вводя их в пороки и склоняя к нарушению важнейших заповедей. И потому, ради спасения душ земных, необходимо сразить Дракона мечом и предотвратить Апокалипсис, и подобный акт не будет считаться убийством, поскольку божественный огонь имеет природу очистительную, а сам меч имеет форму креста.

Образ дракона рассматривается в русской поэзии не только сквозь призму христианской доктрины, но и как мифологическое существо, разрушающее любовь, надежду, самоидентичность. Так, в стихотворении Анны Ахматовой «Путник милый...» героиня обращается к абстрактному путнику, чтобы тот сообщил ее возлюбленному, находящемуся в далекой стране, о том, что она стала жертвой дракона. Мифологический персонаж предстает в стихотворении в образе крылатого мучителя, истязавшего свою пленницу: «А в пещере у дракона, нет пощады, нет закона. И висит на стенке плеть, чтобы песен мне не петь [Ахматова, 2024, С. 153]. Если принимать во внимание, что Дракон живет на Востоке («...направо / Обрати свой светлый взор» [Ахматова, 2024, С. 153]), сюжет сти-

хотворения восходит ко временам Золотой Орды, где ханы забирали славянских девушек в качестве дани и делали их своими наложницами. Цель дракона – подчинить себе волю героини, заставить забыть о собственном счастье, природе и культуре и стать лучшей среди многих. Однако героиня не сдается, и эта непокорность приведет героиню к неминуемой гибели: «Путник милый, в город дальний унеси мои слова, чтобы сделался печальней Тот, кем я еще жива [Ахматова, 2024, С. 153].

Подобная символика дракона как воплощение зла и разрушительного начала намного реже встречается в произведениях китайских авторов. Так, в стихотворении Бо Цзюйи «Дракон из Черного омута» [黑龙饮渭赋..., 2025] (династия Тан) это мифическое существо становится символом суеверий, кровопролития и человеческой жадности. С первых стихов автор ставит под сомнение само существование древнего божества: «Вода в Черном пруду темная, как чернила, и говорят, что здесь живет дракон, о котором никто не знает» [黑龙饮渭赋..., 2025]. Таким образом, рождается мотив слухов и сплетен, ибо самого Дракона никто никогда не видел. Чтобы опровергнуть мысль о том, что отсутствие телесности дракона связано с его космической природой, невидимой и непонятной человеческому сознанию, герой текста, избегая двусмысленной метафоричности, утверждает, что «дракон не является богом» и иронизирует над суеверностью местных чиновников: «Чиновники установили на берегу бассейна святилище» [黑龙饮渭赋..., 2025]. Люди в стихотворении показаны как глупые, безвольные, не способные критически мыслить жертвы слепой веры, которые полагают, что Дракон единый повелевает всем сущим: «В хорошие и плохие времена, во времена наводнений, засух и эпидемий люди в сельской местности говорят, что виноваты драконы» [黑龙饮渭赋..., 2025]. И дабы избежать гнева божества, крестьяне приносят в жертву свиней, воздают молитвы дракону, льют на траву вино и кладут у алтаря деньги, которые становятся легкой добычей вполне реальных хищников: «Не знаю, насколько наслаждается бог-дракон. Бамбуковая крыса и горная лисица всегда пьяны и сыты» [黑龙饮渭赋..., 2025]. Мотив кровавого жертвоприношения лишен смысла не только потому, что мясо свиней достается лисе, «притворяющейся драконом» [黑龙饮渭赋..., 2025], но и потому, что кровь, невинно пролитая на алтарь, противоречит постулатам буддизма, широко распространенного в период правления династии Тан. В связи с этим финал текста пронизан горькой иронией: «Знает ли что-нибудь дракон на дне девятислойного источника?» [黑龙饮渭赋..., 2025]. Здесь мы видим отсылки к концепции даосизма, исходя из чего, понимаем, что Дракон – хранитель земли и неба, и поскольку всякое животное есть земная тварь, она тоже нуждается в защите Дракона, и потому идея жертвоприношения звучит особенно абсурдно. Таким образом, возможно, Дракон Зла здесь представлен не как Бог-хранитель, отраженный в концепции даосизма, а как плод ума человеческого, воспаленного жадностью и

глупостью и подогреваемый чиновничьим произволом.

«Дракон, источающий яд», фигурирует и в стихотворении Ван Вэй «Прохожу мимо храма «Собравшихся благовоний» [Ван Вэй, 2005, С. 215], герой которого пытается найти храм, скрытый от глаз простых людей. Почти потерявший надежду на успех, он слышит вдали звук древнего колокола. Обойдя все препятствия в виде скал, полуденного зноя, герой увидел заросший пруд: «Укрошен твоим созерцаньем источающий яд дракон [Ван Вэй, 2005, С. 215]. Семантика дракона здесь имеет отрицательные коннотации, ибо он символизирует яд и смерть. Однако, замороженный красотой окружающего мира, он становится кротким и пассивным, что свидетельствует о божественной природе всего земного, где в каждой травинке – присутствие творца.

«Он отмечен странным сокровищем»: дракон как воплощение красоты и величия

В культуре разных народов Востока дракон является символом величия, красоты и богатства. Так, в Китае Нефритовый или Золотой дракон олицетворял власть императора. Бо Цзюйи, поэт династии Тан, в стихотворении «Желание рыбы быть драконом» [白居易... 2025] выражает идею исключительности и недостижимости этого образа «Зачем тебе, рыбе краснотелой, хотеть быть драконом в этой пучине морской?» [白居易... 2025]. Примечательно здесь то, как герой задает вопрос. Он не только не допускает мысли, что рыба когда-либо станет драконом, ибо такое невозможно, но и изумляется самому желанию. Рыба здесь – символ заурядности и своего рода тщеславия. Она глупа, и потому не может представить, что для того, чтобы дракону быть повелителем, необходимо обладать силой, умом и иными качествами, присущими властителю: «Как говорят, на небе тяжело управлять стихией водной!» [白居易... 2025]. Но простая рыба беспокоится лишь о статусе Дракона, а не о том, каких усилий стоит его труд: «Но драконом же быть лучше, чем какой-то рыбой простой» [白居易... 2025]. В свою очередь вопрос, который задает герой стихотворения рыбе, выражает идею мудрости и принятия мирового порядка, где у всякого существа на земле, в том числе у человека, есть свое предназначение, и противиться ему или желать иного, все равно, что преступать веру и нарушать мировую гармонию.

Красота и изящество Дракона описаны в стихотворении «Водоем дракона», анонимного автора начала эпохи династии Тан. Поэт пишет, что «в чешуе дракона есть красота» [佚名, 2025] и сам он являет «сокровище, которое указывает на мудрость и называется драконом» [佚名, 2025]. Красивый Дракон живет в ущелье с девятью источниками, что свидетельствует о божественной его природе. И поскольку Лазурный дракон повелевает небом и водой, он собрал тучи и возмутил источники в знак падения династии Суй: «Бородатые тучи внезапно

поднимаются, и волны все еще несутся» [佚名, 2025], «Династия Суй имеет высокую репутацию, но Гуан Ян исчез» [佚名, 2025]. Таким образом, будучи хранителем императорской власти, дракон выражает сожаление о смене эпох, однако не может влиять на предопределение, и потому проливает слезы вместе с героем стихотворения: «Я до сих пор знаю, что слезы еще на месте, как нам повезло встретиться друг с другом» [佚名, 2025]. Возможно, анонимный поэт лично был знаком с последним императором эпохи Суй, который, ко всему прочему, сам был поэтом. Так или иначе, дракон в этом стихотворении выражает идею божественной красоты и императорской власти.

Несмотря на то, что в русской культуре и поэзии образ дракона связан преимущественно со злом, в некоторых стихотворениях можно встретить дракона как воплощение красоты и свободы. Одним из таковых является стихотворение Н. Гумилева «Я и Вы» [Гумилев, 2020, С. 316] В тексте противопоставлены два начала – женское и мужское. Первое представляет мир «картинных рыцарей»: заурядный, где все течет согласно светским законам: гитара, светские салоны и залы, люди, для которых важнее то, как они выглядят («темные платья и пиджаки» [Гумилев, 2020, С. 316]), картины, запечатлевающие подвиги рыцарей, врач и нотариус в приближении скорой кончины. Все это жизнь, лишённая смысла, поскольку в ней нет ни свободы, ни ярких впечатлений. Мир мужской, «мир дракона», напротив, полон впечатлений, поэзии и красоты. Мимолетные земные радости гораздо более привлекательны для героя, основная интенция которого – жажда жизни. Его мир – это мир искусства, где живут арабы наравне с драконами, а смерть является отправной точкой к райским воротам. Дракон здесь символизирует гармонию стихий и первозданную красоту, поскольку живет в мире облаков и водопадов, что указывает также на его восточные корни. Очевидно, для героя реальный мир не может существовать без единства с фантазией, которая также запечатлена в образе дракона, который, в свою очередь, противопоставлен образу рыцаря с картины, поскольку в средневековые рыцари считались драконоборцами. И это желание чистых впечатлений обрекает его на романтическое одиночество, результатом которого станет жизнь вечная в окружении разбойников, мытарей и блудниц, которые более достойны рая, чем люди, ведущие светскую жизнь. Последние не считают покаяние необходимостью, поэтому попадут в рай протестантский, то есть такой же ложный, как и их жизнь, лишённая очарования и впечатлений. Но даже несмотря на внешнюю легкость и позитивное отношение к жизни, полной впечатлений, и к Дракону, здесь отчетливо видится не только противостояние мужского и женского начала, но и оппозиция истинного христианства и ложного, воплощением которого является протестантство. Доктрина «Sola fide» подразумевает веру, лишённую деятельной силы. Иными словами, если ты веруешь в Бога и следуешь Писанию, соблюдаешь заповеди, то ты

обретешь Рай и спасение априори, не прилагая усилий, не познавая природу Зла в себе и в мире и тем самым очищаясь через покаяние. Писание, напротив, говорит о том, что без покаяния и осознания собственной греховности нельзя ощутить благодать, прощение и последующее спасение. Пример тому – притча об Иоанне Крестителе, которую рассказывает Иисус фарисеям: «истинно говорю вам, что мытари и блудницы вперед вас идут в Царство Божие, ибо пришел к вам Иоанн путем праведности, и вы не верили ему, а мытари и блудницы поверили ему; вы же, и видев это, не раскаялись после, чтобы поверить ему» (Мф 21:31,32). Необходимо также учитывать, что стихотворение датировано 1918 годом, когда в России господствовали идеи В.С. Соловьева, оказавшего влияние не только на религиозную философию, но и на поэзию начала XX в. Известно, что В. Соловьев являлся противником католицизма и протестантизма, считая их лжеучениями, отражающими западный взгляд на мир и человека. В религиозно-философском трактате «Чтения о богочеловечестве» автор говорит о протестантизме как об утверждении эгоизма, божественная же истина состоит в самоограничении и в самоотречении ради Бога и других людей, которые, в свою очередь, тоже добровольно самоограничиваются и самоотрицаются. Но самоотречение невозможно без самоутверждения: «без силы самоутверждающейся личности, без силы эгоизма самое добро в человеке является бессильным и холодным, является только как отвлеченная идея. Всякий деятельно нравственный характер предполагает подчиненную силу зла, то есть эгоизма. <...> В нравственном мире подпавшего природному порядку человека заключающаяся в душе его потенция добра может действительно обнаружиться, только потребивши или превративши в себя уже существующую наличную энергию души, которая в природном человеке есть энергия самоутверждающейся воли, энергия зла, которая и должна быть переведена в потенциальное состояние для того, чтобы новая сила добра перешла, напротив, из потенции в акт». [Соловьев, 2023, С. 207–208]. Таким образом, человек, страстный от природы, должен не отрицать зло в себе, а познать его и добровольно от него отречься, проявив волю божественную, которая есть в нем так же, как воля природная. Таким образом, герой Н. Гумилева находится на стадии утверждения в эгоизме и поддается очарованию жизни страстной, символом которой является Дракон, однако путь самоотречения для него неизбежен, так как мытари и блудницы, уже прошедшие этот путь, будут ждать героя где-то в Царстве Божьем. Их призыв «Вставай!» будет обращен к человеку, уже претерпевшему в полной мере нравственное падение, и потому готовому к перерождению и генерации в себе силы добра. Исходя из этого, мы понимаем, что образ Дракона здесь является только внешне притягательным, символизирующим красоту и свободу, в действительности же он выступает как Дьявол, искушающий человека и проявляющий в нем природную порочность, слабость и первозданное зло. И это его обратная сторона.

В поэтическом мире Н. Гумилева драконы олицетворяют еще и народов тюркского происхождения, однако в отличие от традиционного для русской ментальности презрения и ненависти, лирический герой испытывает к ним сочувствие и восхищается их красотой и силой. Так, в стихотворении «Змей» [Гумилев, 2020, С. 223] поэт обращается к «былым годам», когда Драконы (Змеи) похищали юных дев и уносили их в Золотую Орду. Привычный сюжет славянского героического эпоса отходит на второй план, уступая место глубокому психологизму. Осторожный от природы, змей-дракон прячется в ожидании красивой и невинной девушки. Описывая его полет, Н. Гумилев делает акцент на внешней привлекательности и силе мифического существа: «Как сверкал, как слепил и горел Медный панцирь под хищной луною, как серебряным звоном летел Мерный клекот над Русью лесною [Гумилев, 2020, С. 223]. «Серебряные» слова Змея чисты и искренни, и больше похожи на исповедь. Несмотря на то, что клекот воспроизводят только хищные птицы, семантика серебра исключает оборотническое начало Змея, который сам вынужден страдать в одиночестве и прятаться от мира и людей. Луна на его фоне выглядит более хищной, чем герой, который, вопреки собственной воле, подчинен своей амбивалентной природе. Не лишенный красноречия, он предстает романтическим и нежным существом, в сердце которого – тоска и одиночество. Восхищаясь красотой похищенной девушки, он рассказывает о том, что многих уже потерял в пути: «Но еще ни одна не была Во дворце моем пышном, в Лагоре: умирают в пути, и тела Я бросаю в Каспийское море» [Гумилев, 2020, С. 223]. Лахорская крепость – резиденция монгольских правителей, поэтому дракон выступает здесь как символ княжеской власти. Он обладает богатством, силой, и может дать своей избраннице все богатства мира, и искренне удивляется, почему те предпочитают смерть великолепию и пышности дворца: «Спать на дне, средь чудовищ морских, почему им, безумным, дороже, Чем в могучих объятьях моих На торжественном княжеском ложе?» [Гумилев, 2020, С. 223]. Здесь Змей развенчивает миф о жестокости древних существ, которые мучают и истязают девушек. Он жаждет любви, и потому завидует судьбе славянских юношей, которые в простоте своей привлекают девушек игрой на пастушеской дудке. У пастухов нет богатства и власти, но есть широкая русская душа. Змей же обречен вечно пребывать в изгнании и рисковать своей жизнью ради надежды на счастье. Он тянется к светлому и прекрасному, но вынужден скрываться во тьме, потому что такова его природа. Жестоким Н. Гумилев описывает не Змея, а драконоборца Вольгу. Богатырь либо не понял, о чем говорил девушке ее похититель, либо исповедь не тронула его сердца. Обыкновенно былины, отражая ратные подвиги героев Руси, придают большое значение их описанию и описанию самих богатырей. Здесь же раскрыт противоречивый характер Змея, а Вольга описан как хмурый воин, жаждущий крови. Таким образом, Н. Гумилев с одной стороны, продолжает традицию изображе-

ния дракона-похитителя и приверженца Золотой Орды, с другой – показывает его глубокую тоску и одиночество.

В русской поэзии Дракон символизирует не только красоту, не только Орду, но и русское самодержавие, то есть власть государя. В стихотворении Даниила Андреева «И отошел Он...» [Андреев, 2005, С. 117] описывается сцена зачатия дитя от союза Яросвета и юной Навны. Отойдя от девушки, демиург просит только об одном: «— Сына! младенца!.. Пусть он, похожий Силой на эту драконью стать, сможет пред демоном желтокожих. За бытие России предстать!» [Андреев, 2005, С. 117]. Под желтокожими следует понимать здесь в первую очередь монгольские племена, которые нападут на Русь в XIII веке. Так был зачат «русский демон великодержавья» [Андреев, 2005, С. 117], который силой и могуществом был похож на дракона. Его предназначение – защищать русскую землю от захватчиков и помогать великим полководцам, таким, как Александр Невский, «чью мудрость и волю укреплял демиург, чистоту замысла блюла Навна, ваятельница народной плоти подготавливала чреду его преемников, демон великодержавия укреплял силу его меча» [Андреев, 2023, С. 342]. В этом стихотворении есть противоречие, поскольку сам Даниил Андреев в религиозно-мистическом эссе «Роза Мира» утверждает, что уицраор – это порождение союза демиурга и кароссы, поэтому о происхождении драконоподобного демона в «Розе Мира» сказано, что он был рожден от союза Ярополка с кароссой Дингрой (Лилит). Этот факт, впрочем, не отменяет его драконьей сути и основного предназначения – защиты земли русской.

Таким образом, в китайской и русской поэзии дракон является воплощением красоты и величия, а также самодержавной власти. Для китайской поэзии подобная семантика образа является распространенной, в то время как для русской носит частный характер и так или иначе затрагивают традиционные негативные коннотации данного образа, как мы видели это у Н. Гумилева. Важным является тот факт, что в китайском художественном пространстве Дракон как бы существует в мире реальном – сосуществует с людьми и покровительствует им. В русских стихотворениях, напротив, герой этот заведомо является существом мира иного. Думается, это связано с различиями в духовной культуре: даосизм, равно как и буддизм, предполагает концепцию единства мира людей, природы и космоса, в то время как христианство отвергает идею существования души вне человеческого тела именно на земле (вне Царства Божьего). Потому Драконы воспринимаются как служители Антихриста и не могут существовать в мире земном.

«Из уст же Его исходит острый меч»: дракон как воплощение поэтического искусства

Искусство, наряду с религией и наукой, является формой познания духовности. И поскольку Дракон – явля-

ние духовного порядка, справедливым будет сказать, что в ряде стихотворений русских и китайских авторов он является воплощением божественной природы искусства, в частности поэтического.

Так, в стихотворении Д. Быкова «Пэон четвертый» [Быков, 2017, С.41] лирический герой растворяется в пространстве слов и образов. Путешествуя по им же созданному миру, герой любит яркие краски: «О Боже мой, какой простор! Лиловый, синий, грозовой, — но чувство странного уюта: все свои. А воздух, воздух ледяной! Я пробиваю головой его разреженные, колкие слои. И — вниз, стремительней лавины, камнепада, высоту теряя, — в степь, в ее пахучую траву...» [Быков, 2017, С.41] Из текста мы понимаем, что герой – в полете, и полет его хаотичен, смысл его – чистое созерцание и непрерывная динамика. Ритмическая организация и звуковые повторы, преобладание восторженно-восклицательных конструкций делает текст динамичным, что выражает идею неповторимости каждого мгновения и, соответственно, желание все успеть и насладиться полетом. И уже в следующей строфе герой признается, что он полиморфный дракон: «Так вот я, стало быть, какой! Два перепончатых крыла, с отливом бронзовым, — смотри: они мои! Драконий хвост, четыре лапы, гибкость змея, глаз орла, непробиваемая гладкость чешуи! Я здесь один...» [Быков, 2017, С.41]. И образ волн, возникающий перед его взором, аллегория поэзии, имеющий более сложные формы, чем обыкновенно. Пэон нетипичен для русского стихосложения в отличие от трехсложных и двусложных размеров, и чем нетипичнее задача, тем более она привлекает творца: «Смотри, смотри! Какой зловещий, зыбкий, манкий, серый свет возник над гребнями <...> Я так и знал: все только начато. Я чувствовал, что взят не ради отдыха. Ведь нас наперечет» [Быков, 2017, С.41]. Таким образом, дракон Д. Быкова исключителен, как исключительны те поэты, что экспериментировали с пэонами и остались в истории литературы не только как авторы, но и как реформаторы стихосложения. Дракон бросается в бездну, «туда, в пространство зыбких форм, непостижимых величин, чудесных чудищ, грозных игрищ и пиров!» [Быков, 2017, С.41]. Из текста следует, что дракон – это и есть пэон: «текучий, обтекаемый, сквозной, неузнаваемый, но несомненный я» [Быков, 2017, С.41]. Он неуловимый, свободный, как сознание мыслителя. Само искусство не имеет границ, и поэтическая мысль может вывести творца в совершенно неожиданные места, которые могут существовать только в пространстве текста: «Где я теперь? Изволь, скажу, таранить облако учась одним движением, как камень из пращи: пэон четвертый, третий ярус, пятый день, десятый час. Вот там ищи меня, но лучше не ищи» [Быков, 2017, С.41]. Это пример цисфинитной логики, которая является одной из ярких черт поэтики Д. Быкова, о которой мы также неоднократно говорили в контексте русско-китайского культурного диалога: с одной стороны, финал текста абсурдный, но с другой, в этом абсурде и есть высший смысл искусства –

свобода от условности.

Дракон как символ искусства, гармонии формы и содержания встречается не только в русской, но и в китайской поэзии. В «Стихотворении, представляющем скрытого дракона» [繆裛..., 2025] поэта Мяо Си герой изображает Цинлуна – Лазурного дракона, который в Древнем Китае считался символом Неба,

Востока и Весны – «божественного дракона, [чьи] знания приходят только в нужное время» [繆裛..., 2025]. Такие драконы являются повелителями стихий и, соответственно, имеют божественную суть. Он входит в зодиакальный круг вместе с Белым Тигром, Красным Фениксом и Черной Черепахой и образует гармонию вселенной. В мире поэтическом тоже необходима гармония между содержанием и формой. Относительно содержания поэт должен быть приверженцем традиций и воспевать государство и монархов: «будьте доброжелательным святым и соблюдайте обряды» [繆裛..., 2025], «Взгляните на облака императорской династии» [繆裛..., 2025]. Форма же должна быть совершенной, то есть подобной дракону: «Покажите свое драгоценное тело и продемонстрируйте свои литературные таланты» [繆裛..., 2025], «Обратите внимание на форму бессмертного дракона <...> Змеиный и извилистый, неизмеримый. Издалека – как восход солнца. Вблизи – как отсутствие света» [繆裛..., 2025]. Таким образом, мы понимаем, что форма должна быть сложна и вместе с тем изящна, и сочетать в себе как бы четыре стихии, увидеть которые – большая редкость.

«Прекрасный божественный дракон породил сущность Ян»: дракон как воплощение божества

Дракон Китая – это божество, в сердце которого – дыхание Будды. Собрав в себе силу и качества девяти животных, он стал воплощением идей даосизма. Кроме того, у драконов были девять сыновей, выполнявших различные функции: «Девять сыновей» объединяет комплекс верований, складывавшийся на протяжении всей китайской истории, охватывает практически все стороны быта и души человека, живущего в старом Китае» [Сомкина, 2016, С. 217]. Девять драконов изображены на одной из стен парка Бэйхай в «Запретном городе». Девять символизирует наибольшее число Будды с энергией Ян и обозначает идею Пути и достижения конечной цели – слиянию с Космической энергией. Дракон как воплощение божественной энергии – один из наиболее распространенных мотивов в китайской поэзии.

Божественная природа дракона раскрывается с разных сторон, одна из них – символ стойкости духа и самообладания. В стихотворении Ваньянь Ляна «Ария о драконе» поэт выражает идею, что дракон мудр и спокоен, умеет приспосабливаться к любым обстоятельствам ради достижения цели: «Дракон прячется в небе и вол-

нах, смешивается с жабами». [完颜亮 《咏龙诗》 ..., 2025] В данном случае образ дракона противопоставлен образу жабы, и дракон предстает в образе терпеливого и стратегически мыслящего существа. Цель Дракона настолько важна, что ради нее можно притвориться кем-то незначительным и вызывающим презрение и отвращение: «когда он будет готов, он сотрясает горы и реки молниями» [完颜亮 《咏龙诗》 ..., 2025]. Награда за терпение – успех в любом деле. Поскольку Ваньянь Лян – известный китайский полководец, его стихотворение является аллегорией военной стратегии, где залогом успеха в войне является не напор, а тактика и выдержка. Этот принцип является основой боевых искусств Китая. Так, в ушу стиль Дракона предполагает концентрацию энергии Ци – жизненной энергии, сочетающей в себе разные компоненты (пространственно-временные, динамические и др.), – в то время как сила не имеет большого значения. Стойкость, выдержка и самообладание – одни из наиболее важных качеств в буддизме и даосизме, поэтому драконы, имея божественную природу, также обладают ими.

Одно из проявлений божественной природы Дракона – мудрость и добродетель. В стихотворении Лю Ваня «Талант дракона» [神龙赋..., 2025] он изображен как повелитель стихий и страж гармонии: «Как велика добродетель дракона, который меняется в изгибах и расширениях, и когда он исчезает, то спускается под землю, когда он появляется, то поднимается в облака, он подобен мудрецу!» [神龙赋..., 2025]. Текучесть, переменчивость – одно из важных качеств Дракона, которое позволяет ему черпать мудрость и силу стихий. Постигая пламя и воздух, воду и землю, он становится хранителем многих тайн мироздания. Поскольку в стихотворении Дракон наполнен весной и летом, речь, вероятнее всего, идет о Цинлуна – небесном драконе, о котором мы уже неоднократно упоминали. На это указывает и приближенность его к богу: «конь Божий, Бог Небесный» [神龙赋..., 2025]. Совершенство формы и духовное богатство и делают его подобным богу: «сердце его – дом, форма головы изящная, рога и хвост правильные» [神龙赋..., 2025].

Дракон – хранитель мирового порядка, и одной из его функций является контроль времени: времени года, смену суток и срок человеческой жизни. В «Стихотворении о краткости жизни» герой Ли Бо не может примириться с конечностью земной жизни, которая относительно бесконечности космоса подобна краткому дню. Рассуждая о тщете надежд на бессмертие, он утверждает, что даже маги и чародеи подвержены тлению: «И локоны у феи / Поседели –/То иней времени/Оставил след» [Ли Бо, 2005, С. 211]. Конечности человеческой природы противопоставлено бессмертие небесных светил и драконов, которые ими управляют. В китайской культуре драконы в основе своей бессмертны. Обладая физическим телом, они могут его покидать, сбрасывать, подобно тому, как змеи сбрасывают собственную кожу. Потому нельзя ока-

зывать на них физическое воздействие, и все желания героя «остановить шестерых драконов» [Ли Бо, 2005, С. 211] тщетны. Испить чашу бессмертия из ковша небесных драконов не может ни человек, ни зверь. Согласно китайскому мифу, шесть драконов управляют красной колесницей, а ночью охраняют небо, образуя фигуру Дракона (ковш): так происходит смена суток. И каждый оборот красной колесницы – отнятая часть жизни человека: «Хочу ли Знатным и богатым быть? Нет! Время я хочу остановить» [Ли Бо, 2005, С. 211].

Дракон как хранитель времени и символ древнего знания в русской поэзии встречается значительно реже. Так, в стихотворении «Городу» В. Брюсов, описывая индустриализацию и технический прогресс, сравнивает город с драконом: «Драконом, хищным и бескрылым, Засев, - ты стережешь года, А по твоим железным жилам Струится газ, бежит вода» [Брюсов, 2012, С. 108]. С одной стороны, прогресс – свидетельство улучшения качества жизни, результат интеллектуального развития. Дракон здесь выражает идею неукротимой мощи, победу металла над деревом. Это мифическое существо терпеливо, оно знает, что процесс развития неизбежен, равно как и неотвратимо нравственное падение, следующее за ним. И это – вторая, обратная сторона прогресса. С улучшением качества жизни и облегчением труда человек становится праздным, его влекут пьянство и разврат. В заключительной строфе мощный железный дракон претерпевает метаморфозу: «Коварный змей с волшебным взглядом! В порыве ярости слепой Ты нож, с своим смертельным ядом, Сам поднимаешь над собой» [Брюсов, 2012, С. 108]. Волшебство легкой жизни обманчиво, ибо ведет к саморазрушению, и коварный змей знает об этом, но, тем не менее, следуя своей природе, искушает людей и наслаждается их порочностью.

Таким образом, дракон в поэзии России и Китая предстает как воплощение знания, мудрости и божественной энергии. В творчестве китайских авторов этот символ неразрывно связан с даосизмом и буддизмом, что выражается в нумерологическом концепте, философии гармонии стихий, текучести земного времени, цикличности природы, тщете суетности и стремлении к чистому созерцанию. В русской поэзии божественная мудрость дракона представлена в незначительной степени и коррелирует с его коварством и оборотнической природой.

Заключение

«Над нами, на фоне яркого неба, драконы толпились на каждом свободном месте на Краю. И солнце делало каждого из них золотым» [Маккефри, 2002, С. 402]. Об-

ладающий властью над всеми стихиями, наделенный различными качествами – положительными и отрицательными – Дракон становится уникальной частью культуры и мифологии разных народов. На Востоке и в Азии чаще всего он символизирует красоту, гармонию и божественную энергию, на Западе и в Европе – разрушительную силу, тайные знания и непреодолимое зло. В русской поэзии прослеживается западная тенденция к изображению дракона в образе демона или Антихриста. Большинство текстов описывает коварство, кровожадность, смертоносность этих мифических существ: они становятся вестниками апокалипсиса, похищают и истязают юных дев, живут в пещерах и космическом пространстве, прячутся во тьме. Такие драконы, как правило, внешне похожи на демонов – имеют рога, большие черные или огненно-красные крылья, тело и морду рептилии. Подобное семантическое наполнение образа корнями уходит в христианскую идеологию, где бог является антропоморфным, а дьявол в облике имеет черты животных (рога, копыта, хвост, язык змеи и т.д.). В свою очередь драконоборческие мотивы воспринимаются как символ неотвратимого торжества добра над злом. Иные коннотации образа дракона встречаются в русской поэзии сравнительно реже и неизбежно отражают демоническую суть Дракона, поскольку этот образ в большей степени заимствованный – русской культуре привычнее «змей».

Драконы Китая, в отличие от русских, практически не имеют негативных коннотаций и олицетворяют божественную природу, красоту, величие и императорскую власть. Для Китая этот образ является аутентичным, он зародился сам по себе и стал национальным символом, выражающим гордость и величие страны. Драконы сочетают в себе качества разных животных, совмещая в себе силу всех стихий. Они не дышат огнем, потому что пламя дракона – разрушительная энергия, дракон же призван хранить мир, а не ввергать его в пепел, он воплощает в текстах китайских поэтов идеи буддизма и даосизма, символизирует волю, смирение, созидательность и веками накопленную мудрость.

Обобщая сказанное, отметим, что драконы Востока и Запады не просто отличаются друг от друга, а выражают значения противоположные. Расхождение в семантике образа обусловлено и разницей религиозно-философского мировоззрения, и тем фактом, что дракон в русской культуре по большей части заимствован. Как бы то ни было, древние легенды хранят предания об этих удивительных существах, отражающих духовную жизнь народа и его национальный характер: как гласит бутанская пословица, «каковы в стране люди, таковы в ней и драконы».

ЛИТЕРАТУРА

1. Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – Москва: Издание Московской Патриархии, 1990. 1372 с.
2. Андреев Д.Л. Роза мира. Москва: Эксмо, 2023. 704 с.
3. Андреев, Д.Л. Стихи и поэмы. Москва: Рипол Классик, 2005. 496 с.
4. Ахматова А.А. Стихи о любви. Москва: АСТ, 2024. 256 с.
5. Болдырева Е.М., Асафьева Е.В. Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии. Часть 1 // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №1. С. 20–34.
6. Болдырева Е.М., Асафьева Е.В. Культурная символика образа хризантемы в русской и китайской поэзии. Часть 2 // Верхневолжский филологический вестник. 2024. №4. С. 8–20.
7. Брюсов В.Я. Пути и перепутья. Москва: Нобель Пресс, 2012. 224 с.
8. Быков Д.Л. Если нет. Москва: АСТ, 2017. 192 с.
9. Ван Вэй Прохожу мимо храма «Собравшихся благовоний» // Китайская классическая поэзия. Москва: Эксмо, 2005. С. 352.
10. Гумилев Н.С. Путешествие в страну эфира. – Москва: Книжный Клуб Книговек, 2020. – 528 с.
11. Казакова И.В. Образ дракона в китайской мифологии, фольклоре и других культурных пластах // София. 20218. №2. С. 93–99.
12. Кэтримус Й. Пойабхатра, дочь Рукмини. Санкт-Петербург: Kaetrimus P & P, 2004. 400 с.
13. Ли Бо Стихи о краткости жизни // Китайская классическая поэзия. Москва: Эксмо, 2005. 352 с.
14. Маккефри Э Древний Перн. Диалогия: Морета - повелительница драконов. История Нерилки. Москва: Эксмо-пресс, 2002. 480 с.
15. Поляков Е.Н., Кочерыгина К.Б. Образ Священного Дракона в искусстве Древнего Китая // Вестник ТГАСУ. 2009. №2. С. 22–39.
16. Пушкарев В.А. Драконы в официальной эмблематике царской России // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2021. №4. С. 21–32.
17. Словик Я. Трактат о драконах. Москва: Гаятри/Livebook, 2010. 192 с.
18. Соловьев В.С. Дракон // Поэты Серебряного века. Санкт-Петербург: Азбука, 2024. 448 с.
19. Соловьев В.С. Смысл любви. Москва: АСТ, 2023. 512 с.
20. Сомкина Н.А. Девять сыновей дракона – феномен китайской культуры // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. №8–2. С. 213–218.
21. Сталинская Е.П. Дракон Востока и Запада. Особенности восприятия и интерпретации образа // Культура и искусство. 2022. №5. С. 36–44.
22. Филипповский В.С., Бирюков Н.Г. Символическое значение образа дракона в китайской мифологии // StudNet. 2020. №2. С. 28–33.
23. Чэнь Шулин Образ Дракона в китайской культуре // Политическая лингвистика. 2024. №1. С. 206–210.
24. 付晴晴. 汉之前龙形象及其功能的演变 [J]. 濮阳职业技术学院学报, 2022, 35 (04): 4–6.
25. 何星亮. 从龙的艺术创造看中华文明的创新性[J]. 中南民族大学学报(人文社会科学版), 2024, 44(01): 112–119+185. DOI:10.19898/j.cnki.42-1704/C.20240120.04.
26. 佚名〔唐代〕 // 古诗文网 URL: <https://www.gushiwen.cn/shiwen/fc3a1fcc8776.aspx> (дата обращения: 19.01.2025).
27. 完颜亮《咏龙诗》 // 搜狐 SOHU.com URL: https://www.sohu.com/a/752172700_161249 (дата обращения: 19.01.2025).
28. 李昊. 汉代应龙神话与形象简论[J]. 神话研究集刊, 2021 (02): 107–122.
29. 白居易《點額魚》 // Papa HuHu 4.0 URL: <https://www.papahuhu.com/archive/20120928345/> (дата обращения: 19.01.2025).
30. 神龙赋 // 全后汉文 (全上古三代秦汉三国六朝文) URL: <https://www.shidianguji.com/ens/book/7437870051069263884/chapter/1kiji2uoa80t7> (дата обращения: 19.01.2025).
31. 缪袭《青龙赋》 // 草木春秋 URL: <https://site.douban.com/155096/widget/notes/11615312/note/827454263/> (дата обращения: 19.01.2025).
32. 黑龙饮渭赋 (以“出为汉祥, 下饮渭水”为韵) // 7 維基文庫 URL: <https://zh.wikisource.org/zh-hans/%E9%BB%91%E9%BE%8D%E9%A3%B2%E6%B8%AD%E8%B3%A6%E7%BC%88%E4%BB%A5%E3%80%8C%E5%87%BA%E7%82%BA%E6%BC%A2%E7%A5%A5%E7%BC%8C%E4%B8%8B%E9%A3%B2%E6%B8%AD%E6%B0%B4%E3%80%8D%E7%82%BA%E9%9F%BB%E7%BC%89> (дата обращения: 19.01.2025).

© Болдырева Елена Михайловна (e71mih@mail.ru), Асафьева Елена Валерьевна (tvist_o@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»